УДК 340.15

Паламарчук Е.А.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена анализу нацистских политики и законодательства Третьего рейха в сфере социального обеспечения. Автор акцентирует внимание на дискриминационном характере последнего.

The article is devoted to the analysis of the nazi policy and legislation in the social welfare sphere. The author paid a special attention at a discriminating character of the last.

Ключевые слова: *Законодательство, социальное обеспечение, дискриминация, расовый характер, пенсионное обеспечение, народное сообщество.*

Key words: *Legislation, social welfare, discrimination, racial character, provision of pensions, National Community*

Как известно, именно система социального обеспечения и благотворительности служит одним из главных показателей степени социальности государства и в значительной степени позволяет ему оказывать влияние на своих граждан в позитивном для себя духе. Это в полной мере учитывали национал-социалисты, планируя свой приход к власти, а затем и предпринимая попытку создания специфического варианта тоталитарно-социального государства. Уже в пункте 15 программы Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) было записано: «Мы требуем экстенсивного развития обеспечения по старости» [1, с. 78]. Позднее, в текущей программе НСДАП 1932 г., это положение также фигурировало в качестве одной из основных ее целей. Для ее реализации, отмечалось в документе, поначалу необходимо было оздоровить систему пенсионного обеспечения, испытывавшую серьезные финансовые трудности [2, с. 192].

Начало этому процессу было положено уже в первый год существования нацистского режима принятием 7 декабря 1933 г. «Закона о сохранении трудоспособности инвалидов, страховании служащих и обеспечении рабочих-горняков», в котором были отрегулированы вопросы начисления пенсий и определена текущая имперская субсидия, предназначенная для обеспечения инвалидов. Свое закрепление он получил в «Законе о развитии пенсионного обеспечения» от 21 декабря 1937 г. В его преамбуле значилось: «Преодоление безработицы открывает дорогу тому, чтобы окончательно гарантировать существование пенсионного обеспечения немецкого народа и начать развивать его достижения в соответствии с национал-социалистическими принципами». Этим же законом всем гражданам рейха моложе 40 лет, не подпадавшим под юридические нормы об обязательном страховании, было предоставлено право добровольного страхования в обеспечении рабочих и служащих. «Закон об обеспечении в старости для немецкого ремесла», принятие которого последовало 21 декабря 1938 г., впервые распространил обязательное страхование, ранее касавшееся лишь наемных работников, на большую группу самостоятельных ремесленников.

Кроме того, в рамках политики народонаселения предусматривалось предоставление пенсий сиротам, пособий на обучение детям в возрасте от 15 до 18 лет, увеличение детских субсидий для многодетных семей. «Закон о недельной помощи и заботе о выздоравливающих и страховании больных» от 28 июня 1935г. повысил размеры этой помощи [2, с. 193 – 194]. В письме министра экономики В. Функа рейхсминистру транспорта Г. Керрлу от 8 июня 1938г. говорилось: «После того, как через Закон от 21 декабря 1937г. о расширении пенсионного обеспечения было санировано страхование инвалидов и служащих, назначение пенсионной кассы прежде всего идет в том же направлении. Трудности, однако, проистекают из того, что первоначальный план по снижению взносов в страхование безработных не был осуществлен» [3, л. 5].

Одним из вопросов, поднимавшихся в сфере социального страхования, была его перестройка с целью создания единой страховой системы для рабочих и служащих. Соответствующая пропаганда велась в партийных периодических изданиях. Уже в 1933 г. высокопоставленный функционер Германского трудового фронта (ДАФ) Л. Бруккер и начальник колонны рабочих В. Шуман опубликовали книгу «Социальная политика в новом государстве». В ней ими были сформулированы предложения по проведению реформы системы социального страхования. По мнению авторов, эта реформа, в частности, должна была заключаться в уравнивании положения рабочих и служащих в страховании по болезни. Правда, понимая невозможность одномоментного решения данной проблемы, Бруккер и Шуман признавали необходимость постепенности этого процесса. «Первым шагом к созданию единого страхования, ─ указывали они, ─ еще нельзя достичь полного равенства рабочих и служащих. Поэтому и в будущем рабочий должен получать пенсию по инвалидности, а служащий - пенсионные деньги соответственно сегодняшнему регулированию. Более широкие права, полученные служащими в предыдущие годы, не могут быть уничтожены росчерком пера. Соответственно их прежним высоким суммам взносов им нужно выплачивать более высокий страховой взнос» [4, с. 283 – 284]. С тем, чтобы уберечь страхование как от предпринимательского, так и от государственного влияния, данный проект предусматривал отмену государственных добавок, выплачивавшихся до сих пор в пенсионную кассу.

Но планы Бруккера и Шумана остались нереализованными. Правда, 5 июля 1934 г. был принят закон, предусматривавший передачу эрзац-касс, осуществлявших страховании служащих по болезни, под контроль государства. Членство в них было ограничено тем же кругом лиц, что и при обязательном страховании, что во многом способствовало установлению равенства шансов между местными больничными кассами и эрзац - кассами служащих, тем более что последние были лишены возможности улучшить свою структуру риска путем введения «лучших рисков». Функции прежних доверенных лиц страхования служащих были переданы правовым советам ДАФ. Однако эти изменения были далеки от уравнительных проектов Бруккера и Шумана [4, с. 285, 289 – 290].

В 1936 г. между Рейхминистерством труда и ДАФ было достигнуто соглашение о регулярных контактах с целью координации социальной политики. В протоколе одной из подобных встреч, составленном статс-секретарем Имперского министерства труда Кроном, отмечалось, что решение проблемы низких пенсий рабочих в сравнении с пенсиями служащих было возможно лишь за счет дополнительного страхования из фондов Германского трудового фронта [4, с. 292]. Эксперты Научного института труда ДАФ пришли к выводу, что именно создание в 1911 г. особого страхования для служащих явилось основным препятствием на пути к уравниванию различий между ними и рабочими [4, с. 297].

Одним из лиц, ответственных за совершенствование системы пенсионного обеспечения, был руководитель Германского трудового фронта Р. Лей, получивший соответствующие указания от Гитлера. Проект, разработанный Научным институтом труда и представленный Леем в октябре 1940 г., предусматривал слияние различных специальных касс в единое учреждение под контролем ДАФ. Пенсия должна была принципиально гарантировать каждому немцу «по меньшей мере расходы на жилище, питание и, само собой разумеется, основы культурного существования». Согласно произведенным расчетам ежемесячный взнос в пенсионный фонд должен был составлять 50 рейхсмарок [4, с. 298 – 299].

В то же время, по мнению руководства ДАФ, правом на пенсионное обеспечение обладал лишь тот, кто «выполнял свои обязанности по отношению к сообществу» [4, с. 301]. По заявлению Центрального бюро социальной службы ДАФ от 26 апреля 1938 г. «создание достаточного обеспечения будущего для созидающего народа является одной из самых существенных задач национал-социалистической социальной политики. Так как достижения социального обеспечения нельзя рассматривать как достаточные, требуется дополнительная гарантия». В заявлении отмечалось важное значение производственного обеспечения свиты (так в Третьем рейхе именовался коллектив каждого промышленного предприятия, тогда как работодатель рассматривался как фюрер последнего. – Е. П.) и подчеркивалось, что в этой связи «существенную роль играют производственные кассы, особенно заводские пенсионные кассы». Обеспечение будущего через эти кассы, говорилось далее, «имеет столь большое значение для социальной организации условий немецкого народа, что в обязательном порядке необходимо оказа-

ние налогового покровительства этим учреждениям» [5, л. 32].

В ходе состоявшихся в 1938 г. переговоров между Рейхминистерством финансов, ДАФ, Имперской группой промышленности и объединением немецких частных пенсионных касс стороны пришли к следующему соглашению «Для облегчения новообразования и преобразования пенсионных касс и поддержки через указ Имперского министерства финансов от 15 декабря 1938 г. требуемое участвующими экономическими кругами освобождение организаций (пенсионных касс. – Е.П.) от налогов на корпорации, на ремесленную деятельность и имущество допускается». Для предпринимателя дотации предприятия в пенсионные кассы и кассы взаимопомощи «образуют расходы предприятия, которые не должны превышать 20 % от суммы жалованья и заработной платы». С одобрения социальной службы ДАФ было достигнуто и соглашение об освобождении от налогов вкладов работодателей в пенсионные кассы предприятий от налогов на заработную плату и лишь выплаты пенсии предусматривалось облагать налогом на доходы [5, л. 32 – 33].

Однако вместо этого, отмечалось далее в документе, налоговое бремя возросло, что отрицательно сказалось на пенсионных кассах. В будущем согласно новым предписаниям каждому члену пенсионной кассы, «вне зависимости от его годового дохода и его обязательного взноса в пенсионную кассу, придется ежегодно выплачивать сумму в 2000 рейхсмарок как дополнительный подоходный налог». В качестве примера приводились служащие с годовым жалованьем в 3800, 8400 и 12000 рейхсмарок, уплачивавшие членский взнос в сумме соответственно в 90; 378 и 540 имперских марок [5, л. 35 – 36].

3 июня 1939 г. в рейхе был опубликован документ под названием «Забота о свите при праве на налоги, на заработную плату и налоги». В нем были указаны данные о ежегодных пенсионных выплатах служащим предприятий, осуществлявшихся пенсионными кассами (в рейхсмарках) (см. таблицу 1) [5, л. 44].

Простое годичное жалованье 1934 – 1937 гг.	**Ежегодный обязательный членский взнос служащего 1934 – 1937 гг.**	**Взносы фирм: в среднем 250% от членских взносов**	**Обязательные членские взносы и взносы фирм, вместе взятые**	**Пенсия членов, согласно § *2* устава, составлявшая 40% обязательных взносов на каждый год**
3600	90	225	315	36
8400	378	945	1323	151
12000	540	1350	1890	216

При этом пенсия вдов составляла 60 % пенсии члена пенсионной кассы. Далее в документе отмечалось, что крупные предприниматели, осознавшие, что «пенсий, социального страхования служащих и инвалидов недостаточно для ведения достойного образа жизни», создали «учреждения для достаточного обеспечения будущего их служащих в форме пенсионных касс предприятий, которые полностью соответствуют сегодняшним требованиям и представляют собой высокоразвитую форму частного обеспечения в старости, созданного для свиты отдельного предприятия». С целью компенсации средств, утраченных в ходе инфляции, «такие предприятия уже несколько лет делают взносы в свои пенсионные кассы, которые превышают общую сумму обязательных годовых членских взносов и соответствующие уставу взносы фирм. Они исходят из требования, выдвинутого социальной службой Германского трудового фронта в документе «Добавочное страхование свиты», опубликованном в 1938 г. Согласно ему руководитель предприятия в благоприятный период должен откладывать деньги, чтобы в плохие времена иметь возможность полностью сдержать свои обещания» [5, л. 46].

Тем не менее проблема создания единой системы социального страхования для рабочих и служащих в Третьем рейхе так и не была решена.

Важнейшей категорией служащих, находившейся на особом положении, являлось чиновничество. Еще в «Майн Кампф» Гитлер писал: «Только после того как мы обеспечим старость государственного служащего, мы можем опять воспитать в нем чувство безграничной преданности государству …» [6, с. 265].

Пенсионному обеспечению чиновников посвящен радел 7 «Закона о немецком чиновничестве» от 27 января 1937 г. В его §89, п. 1 указывалось, что минимальный размер пенсии государственного служащего составлял 35 % от размера его жалованья, учитываемого при начислении пенсии. Чиновникам нижнего или среднего звена государственного управления пенсия повышалась «после каждого из первых 15 полных лет», высшего среднего служебного звена - «после двух необходимых для получения пенсии служебных лет и в последующие пятнадцать лет», для чиновников высшей службы - «через три необходимых для пенсии служебных года и в последующие 16 полных лет необходимого для получения пенсии служебного времени 2%, в следующие полные годы этого служебного времени – по 1%, самое большее 80% необходимых для пенсии служебных доходов. После окончания месяца, в который чиновник завершает 65-й год жизни, пенсия составляет самое большее 75% от необходимых для получения пенсии служебных доходов» [7, с. 55 – 56].

В то же время были урезаны пенсии бывшим чиновникам еврейского происхождения [8, с. 55].

Социальное обеспечение некоторых категорий населения имело свою специфику. Одной из таких групп являлись ветераны Первой мировой войны, в неблагодарности к которым национал-социалисты обвиняли Веймарскую республику, обещая окружить их в Третьем рейхе заботой и почетом [9, с. 736]. Имевшиеся в Германии организации ветеранов-инвалидов были объединены в организацию, получившую наименование «Национал-социалистическое обеспечение жертв войны» (НСКОФ). Непопулярные в сфере фронтовиков меры по сокращению размеров пособий ветеранам-инвалидам войны, осуществленные кабинетом Брюнинга, нацисты отменили [10, с. 173]. 3 июля 1934 г. был принят закон, вводивший для ветеранов, получивших на фронте увечья, дополнительное пенсионные пособие, составлявшее 60 рейхсмарок в год. Круг его получателей был ограничен лицами, недееспособными на 70 %, или же лицами старше 50 лет, чья инвалидность составляла 30-70 %. В то же время на получение этой пенсии не могли претендовать ветераны, проживавшие в других странах или вовлеченные в марксистскую деятельность. Кроме того, во вводной части закона отмечалось, что, хотя правительство оставалось связанным обязательствами осуществить полный пересмотр системы социального обеспечения жертв войны, необходимость отдавать приоритет общему экономическому восстановлению означала, что в ближайшее время рост пособий должен был оставаться ограниченным [11, с. 720 – 721].

В 1938 – начале 1939 гг. в Третьем рейхе была введена новая система военного социального обеспечения. Начало ей положил принятый в 1938 г. «Закон о социальном обеспечении вермахта и обеспечении», который устанавливал различные основания для расчета пенсий военнослужащим, получившим инвалидность на службе. Если Имперский закон о социальном обеспечении 1920 г. в качестве определяющего принципа рассматривал степень утраты жертвой способности зарабатывать в качестве гражданского лица, то новый закон делал основной акцент на серьезности полученного увечья. В зависимости от типа увечья ветераны получали «квартирные деньги» в размере пенсии, выплачивавшейся в кайзеровской Германии. В то же время лишь лица, признанные непригодными к труду, получали пенсию по нетрудоспособности, которая зависела от статуса семьи, места проживания и военного звания ее получателя. Поскольку Закон 1938г. был ориентирован на условия мирного времени, в 1939 г., накануне войны, он был дополнен. В частности, были увеличены суммы пособий, которые выплачивались военнослужащим, раненым в ходе боевых действий, в противоположность тем, кто получил увечья в мирное время или при несении тыловой гарнизонной службы [10, с. 174; 11, с. 732].

В годы Второй мировой войны расходы на увечных ветеранов и выплату пенсий по случаю потери кормильца существенно возросли, особенно после 1942 г. Если в августе 1938 г. 1,6 млн. немцев имели право на пенсии, предусмотренные упоминавшимися законами 1920 и 1938 гг., общая сумма которых составляла 937 млн. рейхсмарок (из них 99% шло лицам, подпадавшим под действие Закона 1920 г.), то в 1944 г. расходы на получивших увечье на войне и по случаю потери кормильца возросли до 3,491 млн. рейхсмарок (62

% от этой суммы выплачивалось жертвам Второй мировой войны). Кроме того, в годы Второй мировой войны щедрое пособие получали иждивенцы военнослужащих [11, с. 733 – 734].

Что же касается подавляющего большинства гражданских лиц пенсионного возраста, то улучшение их обеспечения по старости переносилось на послевоенный период.

Важным инструментом социальной политики Третьего рейха была деятельность ряда общеимперских благотворительных организаций, осуществлявшаяся под жестким контролем партии и государства. Если не считать «Силы через радость» (КдФ), являвшейся подразделением ДАФ, то наибольший размах в Германии 1933 – 1945 гг. приобрели акции НСФ и «Зимней помощи немецкого народа» (ВХВ) (рамки данной статьи не позволяют останавливаться на деятельности последней), тесно взаимосвязанных между собой и возглавлявшихся Э. Хилгенфельдтом (в январе 1934 г. он же стал шефом Главного благотворительного управления в системе Имперского руководства НСДАП [12, с. 694], а с февраля 1936 г. на него была возложена ответственность за все благотворительные мероприятия, проводимые любой из дочерних партийных организаций) [13, с. 147]. Предписание о проведении «Закона об обеспечении единства партии и государства» от 29 марта 1933 г. в §3 определяло НСФ как союз, примкнувший к НСДАП (как таковой он оказывал поддержку в первую очередь членам партии и их семьям) [14, с. 245].

В уставе «Национал-социалистической народной благотворительности», принятом 14 августа 1933 г., указывалось, что согласно распоряжению Гитлера от 3 мая 1933 г. она «является компетентным главным управлением НСДАП по всем вопросам благотворительности и заботы», … осуществляет руководство имперским сообществом свободной благотворительной помощи, к которому принадлежат «Центральный комитет внутренней миссии, Союз Каритас и Германский Красный Крест». Она берет на себя попечительство над здоровьем немецкого населения, видя свой первейший долг в развитии и содействии «живым, здоровым силам немецкого народа» (§2). Членом НСФ мог стать любой германский гражданин, достигший 21-летнего возраста и отличавшийся чистотой «арийского» происхождения. Вступившему в нее вручалась членская карточка, а по истечении двух лет при наличии ходатайства – членская книжка. Лица, не соблюдавшие или противодействовавшие принципам национал-социализма, исключались из рядов организации (§ 3). Органами союза согласно уставу являлись правление, совет, собрание членов (§ 7). Особо отмечалось, что председатель правления, именуемый «рейхсвальтером» (§ 10), назначаемый имперским партийным руководством, единолично принимает решения, а члены правления обладают лишь совещательным голосом. Правление утверждалось рейхсминистром внутренних дел, причем МВД могло в любой момент отозвать любого его члена и отменить или отсрочить исполнение решения главы правления (§8). Состав совета, обладавшего в правлении и в собрании членов совещательным голосом, комплектовался имперским руководством НСДАП (§9). Постановления собрания членов также должны были утверждаться Министерством внутренних дел, согласие которого являлось обязательным и для внесения в устав изменений [15, с. 324, 201-203].

25 июля 1933 г. в «Фюрере» было опубликовано распоряжение имперского партийного руководства о создании филиалов организации в гау. Все члены партии получили приказ вступить в НСФ. Тогда же окружной - руководитель НСФ в Бадене Ф. Аргус поместил в «Фюрере» статью, в которой определил задачи организации: оказание помощи расово здоровым немцам, испытывающим временные экономические трудности; предоставление благотворительной поддержки матерям, поскольку они «гарантируют будущее народа»; организация выполнения программы зимней помощи в целях «немецкого экономического облегчения». Больным же и беспомощным лицам, по мнению Аргуса, должны были помогать религиозные и государственные благотворительные организации [16, с. 366 – 367].

В письме имперского и прусского министра труда в штаб-квартиру НСФ от 28 апреля 1935 г. говорилось, что «общей задачей всех главных объединений свободной благотворительной помощи рейха» являлись устранение нужды, поддержка «здоровых сил народа» и способствование внутреннему укреплению «нового рейха». Согласно этому документу из бюджетных средств 1934 г. (без учета расходов на курортное лечение) им было передано: в фонд НСФ – 637 тысяч, на деятельность Германского Красного Креста – 84 тысячи и на нужды Внутренней миссии – 280 тысяч рейхсмарок [15, с. 218 – 219]. Однако основными источ-

никами средств, поступавших на счета НСФ, были «дань», взимавшаяся с каждого члена «народного сообщества» в виде принудительных вычетов из заработной платы и жалованья, и фонды «Зимней помощи».

Поскольку одна из важнейших задач НСФ заключалась в том, чтобы способствовать сохранению и укреплению немецкого народа, в основу ее деятельности были положены расово-гигиенический и наследственно-биологический критерии. «Национал-социалистическая народная благотворительность» отказывала в заботе жизненно слабым, неполноценным фольксгеноссен, так как в соответствии с официальными нацистскими установками лишь безупречные в физическом и умственном отношении соотечественники, которым предстояло генетическим путем передать эти качества своему потомству и тем самым способствовать «укреплению силы народа», заслуживали такой поддержки [2, с. 200]. В книге Г. Альтхауса «Народно-наследственная биологическая благотворительная помощь» (1936 г.) говорилось: речь идет о благе всего народа, а не отдельного индивидуума, который должен свои личные интересы принести в жертву общественным. Поскольку «наследственная предрасположенность предопределяет неравноценность людей для общего блага», … «неполноценным» благотворительная помощь оказываться не должна ввиду ее «бесперспективности» и связанного с нею неоправданного «расточительства народного имущества» [15, с. 382 – 383].

Поскольку расовые идеи пронизывали все направления социальной политики и ее законодательного обеспечения в Третьем рейхе, в сфере оказания благотворительной поддержки также проявлялась целенаправленная дискриминация в отношении «неарийцев». «Расово чуждым элементам» в таковой либо отказывалось, либо все расходы, связанные с нею, перекладывались на плечи их соплеменников. В документе, датированном 22 ноября 1937 г. и озаглавленном «Меры по обеспечению еврейских стариков, нуждающихся в помощи», говорилось: «По экономическим причинам подавляющее большинство нуждающихся в помощи евреев в возрасте свыше 65 лет невозможно разместить в домах старости», поскольку это привело бы «к неоправданной разгрузке семей, в которых пожилые люди получают свое пропитание». В связи с указанным обстоятельством необходимо обязать «родную общину либо родственников» брать часть расходов на себя. В частности, от них требовалось ежемесячно делать взнос в размере не менее 20 рейхсмарок. Соответствующие поборы взимались и с евреев-эмигрантов [17, л. 2 – 4]. В рамках той же политики проводилось регулярное снижение, а затем и полный отказ от благотворительных расходов на цыган (им также не выплачивалось и пособие по безработице) [18, с. 121, 124].

Позднее, в 1940 г., был разработан «Закон о чуждых сообществу», который должен был вступить в силу в 1945 г. Согласно его §1 лицо признавалось чуждым сообществу, если оно доказало своими поступками и особенно «чрезвычайной степенью недостатка умственных способностей или характера» свою неспособность «удовлетворять минимальным требованиям народного сообщества». В официальном разъяснении целей закона говорилось: «Национал-социалистическая точка зрения на благотворительность заключается в том, что она может предоставляться товарищам по нации, которые как нуждаются в ней, так и заслуживают ее. В случае чуждых сообществу лиц, которые лишь обременяют народное сообщество, благотворительность не является необходимой», но, скорее, требуется «полицейское принуждение» с тем, чтобы либо вновь превратить их в «полезных членов сообщества», либо избавиться от этого бремени [19, с. 18].

Партия стремилась превратить НСФ в массовую организацию. Периодически проводились кампании вербовки в нее новых членов [20, л. 77]. В обращении Верховного отдела Ост от 29 марта 1939 г., касавшемся широкомасштабного мероприятия подобного рода, разъяснялось, что «принятым может быть каждый незапятнанный немец рейха арийского происхождения [20, л. 61].

Конечно же, далеко не все вступали в НСФ по идейным соображениям. Так, в одном из донесений гестапо Карлсруэ фигурировали бывшие члены марксистских организаций, стремившиеся занять посты блоквальтеров НСФ с тем, чтобы, используя свое положение, вести подрывную антигосударственную работу. В другом случае сообщалось о некоем чиновнике, состоявшем в браке с еврейкой и по этой причине отправленном в июне 1937 г. на пенсию, который подобным же образом пытался вернуться «в строй» [16, с. 372]. Не следует сбрасывать со счетов и фактор соревнования, развернувшегося между различными гау за вовлечение в организацию как можно большего числа новых членов, что давало гауляйтерам и гауамтсвальтерам НСФ возможность лишний раз доложить вышестоящему руководству о своей

успешной деятельности. С этой целью местные руководители нередко прибегали к прямому диктату, используя жесткую партийную дисциплину [16, с. 370].

В целом, нельзя не признать, что по линии «Национал-социалистической народной благотворительности» часть германского населения получала реальную помощь. Обратимся к свидетельству княжны Васильчиковой, которая отметила в своем дневнике, что в Берлине НСФ «уже в самый первый день воздушных налетов организовала на каждой разрушенной улице полевые кухни, где все прохожие могли в любой момент получить очень вкусный суп, настоящий крепкий кофе и сигареты – все, чего нельзя было найти в магазинах» [21, с. 123]. Однако сам по себе масштаб этой помощи, а главное, государственных затрат на ее планирование и осуществление был не столь велик, как оказываемый ею психологический эффект. При этом социальное законодательство носило ярко выраженный дискриминационный характер, лишая пенсионного обеспечения и иных форм вспомоществования представителей «неарийского» населения.

Литература

1. Lubasz H. Fascism. Three Major Regimes. N.Y. etc., 1973.
2. Lampert H. Staatliche Sozialpolitik im Dritten Reich // En: Bracher K. – D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hrsg.). Nationalsozialistische Diktatur. 1933 – 1945. Dusseldorf, 1983.
3. РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 2454.
4. Prinz M. Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen. Die Entwicklung des sozialen statusder Angestellten von der Weimarer Republik bis zum Ende des NS-Zeit. Munchen, 1986.
5. РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 2475.
6. Гитлер А. Моя борьба. Т-Око, 1992.
7. RGBL. 1937. Teil I.
8. Muhl-Benninghaus S. Das Beamtentums in der NS-Diktatur bis zum Ausbruch des Zweiten Welkrieges. Dusseldorf, 1996.
9. Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945. Cambridge; Massachusetts, 1983.
10. Diehl J.M. Change and Continuity in the Treatment of German Kriegsopfer // Central European History. 1985. V. 18. № 2.
11. Diehl J.M. Victors or Victims? Disabled Veterans in the Third Reich // Journal of Modern History. 1987. V. 59. № 4.
12. Залесский К. А. Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2002.
13. Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. L., 1980.
14. Snyder L.L. Encyclopedia of the Third Reich. L., 1976.
15. Vorländer H. Die NSV. Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialisten Organisation. Boppard am Rhein, 1988.
16. Grill J.H. The Nazi Movement in Baden, 1920-1945. Chapel Hill, 1983.
17. РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 279[а].
18. Milton S. Vorstufe zur Vernichtung. Die Zigeunerlager nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. Jg. 43. N 1.
19. Noakes J. Social Outcasts in Nazi Germany // History Today. December 1985. V. 35.
20. РГВА. Ф. 1372. Оп. 5. Д. 251.
21. The Berlin Diaries 1940-1945 of Marie "Missie" Vassiltchikov. L., 1987.